

Revue mensuelle

Февраль 1934

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

- II -

1934

ПАРИЖЪ

9-мй годъ изданія.

Цѣна номера 2 фр.

„ВѢСТНИКЪ“

(Девятый годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 20 франц. франковъ (или эквивалентъ 20 фр. по курсу дня).

ДЛЯ ДВИЖЕНЦЕВЪ, СТУДЕНТОВЪ, РАБОЧИХЪ, — 15 франц. франковъ (или эквивалентъ 15 фр. по курсу дня).

„ВѢСТНИКЪ“ въ этомъ году будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію идеологическихъ исканій современности и дастъ рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ „пореволюціонныхъ“ теченій среди русской молодежи.

„ВѢСТНИКЪ“ расширяетъ информацию о Совѣтской Россіи и въ каждомъ № будетъ давать матеріалъ, освѣщающій положеніе въ Сов. Россіи.

Пробные №№ по первому требованію высылаются бесплатно.

Въ мартовскомъ № „Вѣстника“ будутъ напечатана статья Б. П. Вышесловцева „Совершенная любовь“ (запись доклада) и друг.

О Г Л А В Л Е Н І Е № 2 (1934)

Парижъ. Февраль 1934 года	1
Къ Великому посту	5
Отецъ Іоаннъ Кронштадскій — какъ законоучитель. (Изъ воспоминаній)	7
Россія, Евразія, Византія Г. П. Федотовъ (запись доклада)	11
„Когда это кончится“? (Вопросъ на вопросъ.)	20
Нѣсколько словъ по поводу замѣтки „Когда это кончится?“ Блаженнѣйшаго Митрополита Антонія. (Церковная Жизнь 1933 № 12)	22
Дозволительно ли по ученію св. Церкви убійство (сводка каноническихъ постановленій) И. Лаговскій	24
Жизнь движенія. (Хроника).	28
Международный литературный конкурсъ для юношества.	30

*РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУ-
ВЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕ-
НІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВ-
НОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢ-
РУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ
ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ
СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ
И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ
АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.*

Февраль, Парижъ.

Среди многихъ кризисовъ, потрясающихъ современность однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ является кризисъ власти. Онъ слѣдствіе другого — болѣе общаго и основнаго кризиса — кризиса міровоззрѣнія.

Примѣчательно, что сейчасъ наибольшей видимой устойчивостью и крѣпостью пользуются политическія системы, ставшія суррогатомъ религіознаго міровоззрѣнія. Волнующіе міръ коммунизмъ — съ его вѣрой въ „міровую роль пролетаріата“, съ его „упованіемъ“ на „преображающую и всеустраивающую міровую революцію“, фашизмъ — во всѣхъ его разновидностяхъ — съ его обожествленіемъ „націи“, когда „плоть и кровь“ становятся послѣдней и высшей святыней — несомнѣнно, являются такими суррогатами религіознаго міровоззрѣнія.

Кризисъ власти является только наиболѣе бросающимся въ глаза

звеномъ длительного историческаго процесса секуляризаціи, „обезцерковленія“ міра.

Порочный кругъ, начавшійся великимъ отступленіемъ міра отъ правды церкви и Христова ученія, завершается. „Вѣра безъ Бога“ — вѣра въ „человѣчество“, „въ прогрессъ“, „въ социальную правду“, въ „общее благо“, въ „священныя права челвѣка“, въ „суверенную волю народа“ и т. д. провозглашенныя „высшими цѣнностями“ — въ своемъ отрывѣ отъ живыхъ религіозныхъ корней, оказались ложной святыней „кумирами“. И мы живемъ въ эпоху уже не „паденія“, а „разложенія“ кумировъ.

„Вы — соль міра. Если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленой? Она ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на покраніе людемъ“ (Мат. 5, 13) — таково слово Господа нашего Иисуса Христа, обращенное къ Апосто-

ламъ, обращенное ко всей Церкви Христовой.

Страшныя слова! Непереносимо велика отвѣтственность, налагаемая ими, особенно въ дни, переживаемые нами.

Мы привыкли раздѣлять „Церковь“ и „Мы“. Часто — изъ устъ вѣрующихъ, „церковныхъ“ людей слышишь — „Церковь ничего не сдѣлала для облегченія соціальной неправды“, „Церковь ничего не дѣлаетъ для народа“ и т. д. Если вѣрно, что Церковь ничего не „сдѣлала“, то это значитъ, что мы, именующіе себя вѣрующими, ничего не сдѣлали. Въ „историческихъ грѣхахъ“ Церкви повинны мы, какъ члены Церкви, какъ Ея земная плоть. Мы оказались солью, утравшей свою соленность. Вся наша жизнь и дѣятельность есть или раскрытіе и умноженіе славы и исторической силы Церкви, или — наоборотъ — умаленіе, уменьшеніе и — даже — разрушеніе ихъ. Церковь въ своей земной исторіи не исчерпывается нашей дѣятельностью — Она — Богочеловѣческой, благодатный организмъ —, но Она осуществляетъ свое дѣйствіе въ мірѣ черезъ насъ.

Сознаніе отвѣтственности каждаго вѣрующаго за историческую „плоть“ Церкви, чувство отвѣтственности за Ея дѣйствительность или бездѣйствительность въ исторіи нужно воспитывать и развивать. Это чувство и сознаніе отвѣтственности должны быть нашей постоянной настроенностью.

Мірѣ снова ищетъ цѣльности, ищетъ вдохновенія подлинной, живой вѣры, засвидѣтельствован-

ной дѣлами, ищетъ цѣлостнаго и творческаго міровоззрѣнія и міроотношенія.

Корни жизни тяжко больны. И нѣтъ иного Врача, кромѣ Господа Иисуса Христа, нѣтъ другого врачества, кромѣ Правды и силы Христовой благодати.

Задача и трудъ лежащіе передъ нами — поистиннѣ — безмѣрны. Первый шагъ на пути къ осуществленію ихъ — оцерковленіе нашего отношенія къ церкви. „Бытовая секуляризація“, — безпомощное неумѣніе перекинуть спасительный мостъ между „Церковь“ и „мы“, между „вѣрою“ и „міровоззрѣніемъ“ становится даже нормою церковной жизни. Самое стремленіе уничтожить эту пропасть воспринимается многими какъ покушеніе на „чистоту вѣры“.

Убѣжденіе, что жизнь въ церкви должна быть основой міроотношенія, должна переходить въ міровоззрѣніе, — цѣльное, отчетливое —, должна стать камнемъ, на которомъ только и можно построить новую жизнь, кажется многимъ чѣмъ то страннымъ, не понятнымъ. Служеніе Церкви въ наши дни настойчиво требуетъ преодоленія этого бытового секуляризма. Оно требуетъ — съ одной стороны — упорнаго и напряженнаго труда надъ созданіемъ собственнаго цѣлостнаго, религіознаго міровоззрѣнія, съ другой — содѣйствія возникновенію такого міровоззрѣнія: требуетъ постояннаго личнаго труда надъ пробужденіемъ и воспитаніемъ въ каждомъ, съ кѣмъ намъ приходится соприкасаться, живого отношенія къ обязанностямъ „православ-

наго“, требуетъ оцерковленія „бытового“ отношенія къ Церкви. Въ отсутствіи „оцерковленнаго“ отношенія къ Церкви, къ церковной жизни — основная причина растущаго равнодушія къ Церкви, оскуднѣнія самаго религіознаго чувства. Это особенно ощущаешь при соприкосновеніи съ молодежью и широкими народными массами. Нужна на-

пряженная и упорная работа всѣхъ церковныхъ силъ для того, чтобы предотвратить нависшую опасность. Личныя, какъ будто, малѣя, ничтожныя усиленія въ этомъ отношеніи являются, дѣйствительно, „міровымъ“ дѣломъ, подлиннымъ служеніемъ ближнимъ, спасительнымъ отвѣтомъ на „боль дерева жизни“.

Къ Великому посту *).

Начинается Великій постъ. Нужно вступить, съ помощью Божіей, на путь спасенія.

Душа христіанская жаждетъ покаянія, какъ врачества, какъ мертвая — жизни, какъ палимая зноимъ грѣховъ — прохлады, какъ больная — врачества и исцѣленія. И Господь Спаситель по нашей нуждѣ и немощи, по Своему безмѣрному человѣколюбію — далъ намъ покаяніе.

*

Сегодня день покаянія, царскій смотръ. Господь будетъ осматривать Свое духовное воинство, т. е., насъ — Его воиновъ. Нужно духовно омыться, очиститься, осмотрѣться, оправиться, ободриться. Завтра Царь небесный позоветъ насъ на свою трапезу духовную, великолѣпную, на которой предложитъ намъ въ

пищу и питіе Свой чудный небесный хлѣбъ жизни — Пречистое Тѣло Свое, — и Свое безсмертное питіе, безсмертную жизнь дающее — пречистую Кровь Свою. Омойтесь же всѣ слезами покаянія, очистите скверны душевныя и тѣлесныя, да будете достойны сей Тайной Вечери.

*

Ты принадлежишь къ Церкви Христовой, или обществу вѣрующихъ во Христа. Эта Церковь есть единое тѣло Христа, и Христосъ Богъ есть глава. Достойный ли ты членъ, свято ли живешь, каешься ли всегда, исправляешь ли сердце и жизнь свою, нравы свои, помыслы, чувства, намѣренія, стремленія, все поведеніе свое? Живой ты членъ или мертвый? Примутъ ли тебя святые, когда ты перейдешь отъ этой жизни временной въ вѣчную? Не отвергнутъ ли тебя, какъ гнилой членъ, смер-

*) Изъ дневника о. Іоанна Кронштадскаго.

дѣшій, непотребный? Не будетъ ли участь твоя съ отверженными отъ Бога? Спѣши исправить дѣло, исправить все свое поведеніе. Тебѣ на то дано время.

Скажи всеблагому, всемогущему, всеисцѣляющему Врачу душъ и тѣлесъ — Господу, какими грѣховными язвами и недугами ты болишь —, а ихъ такъ много, много, что и перечестъ трудно. Вспомни ихъ, проси у Господа озаренія сердечнаго, просвѣщенія, познанія ихъ, воздыханія, слезъ. И ты получишь богатство милости исцѣленія, здравія, мира, тишины и свободы и благодерзновенія, ибо Врачъ Небесный всегда готовъ миловать и обвязывать раны наши душевныя.

*

Отъ чего у тебя погасъ священный огонь молитвы въ сердцѣ? Отъ чего твое сердце холодно, какъ камень? Отъ того, что ты пересталъ молиться и молитвою пересталъ поддерживать этотъ благодатный, жизненный огонь, просвѣщающій, согрѣвающій и оживляющій душу и тѣло. Когда ты еще продолжалъ искренно молиться и понуждалъ себя къ этому святому дѣлу — у тебя на душѣ было тепло, весело, мирно, просторно, а переставши молиться, ты сталъ холоденъ, безжизненъ, неудовлетворенъ и пустъ.

Какъ убійственно для души — долго не бывать въ храмѣ, особенно — не причащаться Божественныхъ Таинъ! Какъ душа зарастаетъ терніемъ грѣховъ! Какъ разслабѣваетъ! Въ какое впадаетъ уныніе! Сколько нужно труда, самоиспытанія, молитвы, покаянія, слезъ, чтобы снова привести ее въ прежнее благодатное состояніе, состояніе мира, свободы, дерзновенія, правоты духа! О горе, намъ безъ Тебя, Господи, безъ Твоей Божественной службы, безъ причащенія св. Таинъ!

*

Въ Божественной Литургіи заключается чудная объединяющая сила молитвы за всѣхъ, сродняющая всѣ души. О чудная Литургія —, знаменіе безмѣрной любви Божіей къ роду человѣческому и — чуднаго возвеличенія человѣческаго естества, обоженнаго чрезъ воплощеніе Сына Божія, Единороднаго и чрезъ вкушеніе Тѣла и Крови Его въ таинствѣ причащенія. Господи, даруй намъ быть достойными такового къ намъ снисхожденія, такового общенія! Даруй намъ святыню твою и на каждый день поучаться правдѣ Твоей и содѣлаться праведными въ Духѣ Святомъ.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій — какъ законоучитель.

(Изъ воспоминаній*).

Никогда о. Іоаннъ не прибѣгалъ къ тѣмъ педагогическимъ приемамъ, которые сплошь и рядомъ имѣютъ мѣсто въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ — приемамъ, — зачастую убивающимъ въ ребенкѣ всякія человѣческія чувства, доводящимъ порою до идиотизма, — т. е. къ чрезмерной строгости, граничащей съ грубостью, къ насмѣшкамъ и глумленію надъ неспособными. Мѣриломъ знанія ученика у него служили не дурныя отмѣтки, не наказанія, не насмѣшки, а теплое, задушевное отношеніе къ дѣлу и къ ученикамъ. У него не было неспособныхъ; на его урокахъ всѣ безъ исключенія, съ захватывающимъ интересомъ жадно вслушивались въ каждое сказанное имъ слово. Отецъ Іоаннъ не задавалъ уроковъ, на экзаменахъ не рѣзалъ, а велъ „бесѣды“ и эти „бесѣды“ на всю жизнь глубоко запечатлѣвались въ памяти учениковъ. Свой способъ преподаванія (обыкновенно въ рѣчахъ передъ началомъ ученія), о. Іоаннъ объяснялъ необходимою данью государству прежде всего человека и христіанина, отодвигая вопросъ о наукахъ на второй планъ.

Онъ, какъ законоучитель, вос-

питалъ нѣсколько поколѣній въ кронштадтской гимназій, ученикомъ которой я былъ въ теченіи всего восьмилѣтняго курса. Благодаря ему многіе изъ насъ восприняли добрыя начала живой вѣры.

Я поступилъ въ первый классъ гимназій въ 187... году. Отецъ Іоаннъ преподавалъ Законъ Божій во всѣхъ восьми классахъ. Такимъ образомъ на школьной скамьѣ я сразу очутился подъ его религіознымъ вліяніемъ. Нужно отмѣтить, что дома — до поступленія въ гимназій — я — въ силу особо сложившихся условій моего воспитанія, — росъ почти совсѣмъ безъ пониманія элементарныхъ основъ православной вѣры: въ церковь не ходилъ, молитвъ никогда не читалъ, хотя и зналъ ихъ, готовясь къ приемному экзамену въ гимназій; наконецъ не имѣлъ самаго простаго дѣтскаго страха передъ именемъ Божиимъ.

И вотъ одинъ случай на урокѣ у отца Іоанна въ первомъ же классѣ сразу же устремилъ мою дѣтскую голову къ познанію, хотя смутному еще, имени Бога, и страха передъ Нимъ.

Какъ сейчасъ помню, входитъ бабушка къ намъ въ классъ; мы (до 50 мальчиковъ) по обыкновенію подошли къ его рукѣ, и получивъ отъ него благословеніе, встали затѣмъ на молитву, послѣ которой начался урокъ. Какъ

*) Изъ книги А. А. Зыбина „Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей. Ключарь Кронштадтскаго Андреевскаго Собора.“ Петроградъ 1892 г.

всегда, батюшка спросилъ сначала урокъ у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ учениковъ, которые сами вызвались отвѣчать; потомъ онъ началъ самъ вызывать не по классному журналу. Батюшка подходилъ прямо къ извѣстному ученику и спрашивалъ его урокъ. Подошелъ онъ, наконецъ, къ моему сосѣду. Когда послѣдній сталъ отвѣчать, то отецъ Іоаннъ, вставъ рядомъ съ нимъ у парты, очутился ко мнѣ почти совсѣмъ спиною. Воспользовавшись этимъ, я занялся со вторымъ своимъ сосѣдомъ болтовней, отъ которой перешелъ къ показыванію ему различныхъ „затѣйливыхъ“ фигуръ, образуемыхъ тѣмъ или другимъ складываніемъ пальцевъ и ладоней, и изученныхъ мною среди уличныхъ мальчишекъ. Въ концѣ концовъ я остановился на одной особенно неприличной фигурѣ и былъ очень доволенъ, вызвавъ ея хихиканіе своего товарища. Въ это время слышу голосъ батюшки: — „Поди ка сюда И.“ Понимая, очень смутно, правда, — значеніе своей шалости, я, ни живъ, ни мертвъ, поднимаюсь съ мѣста и иду за батюшкой мимо всѣхъ партъ къ кафедрѣ. Здѣсь онъ тихимъ, ласковымъ голосомъ сталъ спрашивать меня, что я показывалъ своему сосѣду, и что это значитъ. Я показалъ ему ту же самую фигуру, но объяснить значеніе ея не могъ, и сказалъ только, что „меня научили этому уличные мальчики.“

Тогда батюшка, смотря на меня долгимъ пытливымъ взоромъ, пока у меня, наконецъ, невольно не выступили слезы на глазахъ, спросилъ у меня приблизительно такъ :

— А ты Бога не боишься? Тебѣ развѣ не страшно, что Онъ тебя накажетъ за твои шалости на урокахъ Его закона. Смотри же, больше не шали, а то вѣдь Онъ все видитъ.

Я смотрѣлъ упорно внизъ и молчалъ; наконецъ, сталъ всхлипывать, прося у батюшки прощенія. Въ это время раздался звонокъ, и урокъ долженъ былъ кончиться. Всѣ встали на молитву, и батюшка велѣлъ мнѣ прочесть сначала молитву Господню и „Пресвятая Троице“, а затѣмъ — „Благодаримъ Тебе, Создателю“ (читаемую обыкновенно дежурнымъ въ классѣ). Послѣ молитвы онъ погладилъ меня по головѣ и, наказывая еще разъ никогда больше не шалить, благословилъ меня и вышелъ изъ класса, окруженный всѣми моими товарищами, снова подошедшими къ нему подъ благословіе.

Этотъ случай, повторяю, сразу сдѣлалъ изъ меня (да можетъ быть и не изъ меня одного) мальчика, начавшаго дѣтскимъ разумомъ и душою вѣровать въ Бога и бояться Его Имени. Вообще, я не мало помню примѣровъ того, какъ путемъ краткаго, часто рѣзкаго, отрывистаго, но всегда душевнаго назиданія отецъ Іоаннъ умѣлъ коснуться самой живой струны въ духовно-неразвитомъ и часто уже испорченномъ молодомъ организмѣ и исцѣлить послѣдній, уврачевавъ въ немъ ту или иную нравственную рану.

Въ пятомъ классѣ у насъ былъ нѣкто М., юноша лѣтъ 16, крайне лѣнивый и испорченный. Мы учили катихизисъ. На одномъ изъ уроковъ, посвященномъ изложенію ученія о Богѣ, какъ Духѣ,

среди урока М. вдругъ встаетъ со своего мѣста и рѣзко заявляетъ батюшкѣ, что онъ отказывается признать это ученіе. Въ классѣ воцарилась гробовая тишина.

— Безбожникъ. Изувѣръ, — отрѣзалъ вдругъ о. Іоаннъ, пронизывая М. своимъ рѣзкимъ и упорнымъ взглядомъ: а ты не боишься, что Господь лишитъ тебя языка за твое юродство. Кто произвелъ тебя на свѣтъ?

— Отецъ съ матерю, отвѣчалъ глухимъ голосомъ М.

— А кто произвелъ самый свѣтъ? Кто создалъ все видимое и невидимое?

М. молчалъ.

Молитесь, дѣти, обратился тогда батюшка ко всему классу: молитесь со всѣмъ усердіемъ и вѣрой.

По окончаніи урока М. былъ позванъ къ батюшкѣ въ учительскую. О чемъ говорилъ онъ съ М. съ глазу на глазъ — для насъ осталось неизвѣстнымъ; но мы видѣли, какимъ взволнованнымъ и потрясеннымъ вошелъ М. послѣ этой бесѣды въ классъ, вообще, замѣтно перемѣнившійся съ того дня.

Мы не всегда даже успѣшно учились, — въ смыслѣ приготовленія уроковъ, — хотя отъ этого и не теряли ничего, такъ какъ рано или поздно — къ экзаменамъ — мы должно были пройти нашу программу. Между тѣмъ, незамѣтно для насъ самихъ, въ насъ образовывалась и слагалась, подъ вліяніемъ простыхъ и теплыхъ душевныхъ назиданій добраго батюшки, вѣра въ Бога, вѣра въ людей, вѣра во все доброе

— та вѣра, которая способна вынести на своихъ могучихъ крыльяхъ даже слабого человѣка изъ самыхъ суровыхъ и бурныхъ житейскихъ невзгодъ.

Съ готовностью мы посѣщали церковь — особенно думскую церковь въ Домѣ Трудолюбія, гдѣ о. Іоаннъ служилъ чаще, чѣмъ въ соборѣ. Нерѣдко нѣкоторые изъ насъ, идя угромъ въ гимназію, заходили въ соборъ, гдѣ о. Іоаннъ послѣ утрени молился за тѣхъ, кто къ нему пріѣзжалъ за совѣтомъ и помощью, и мы сами бывали тогда свидѣтелями того, какая глубокая вѣра въ спасительность батюшкиныхъ молитвъ передъ Господомъ не только духовно поднимала этихъ людей, но уврачевывала и физическія ихъ страданія.

О. Іоаннъ на своихъ урокахъ спрашивалъ обыкновенно сначала тѣхъ, кто самъ заявлялъ о своемъ желаніи отвѣчать урокъ, и надо было видѣть, съ какимъ усердіемъ и выразительностью старались отвѣчать ему эти „вызывающіеся“. За такіе отвѣты батюшка ставилъ высшій балъ: „пять съ плюсомъ“, — и, бывало, чувствуешь себя вполне удовлетвореннымъ и какъ бы духовно преобразившимся, заслуживъ эту отмѣтку, сопровождавшую милое слово батюшки: — „Спасибо тебѣ, доброе чадо“.

Вторую половину своихъ уроковъ, на которыхъ, кстати сказать, нерѣдко оставались ученики другихъ исповѣданій, батюшка удѣлялъ чтенію житій святыхъ или Библии (послѣдней, особенно въ старшихъ классахъ). Эти чтенія настолько насъ заинтересо-

ывали и занимали, что мы просили обыкновенно книги эти съ собой на домъ. И отецъ Іоаннъ всегда приносилъ съ собой про запасъ много отдѣльныхъ житій, которыя сейчасъ и расхватывались. Мальчикъ бережно пряталъ такую книгу въ ранецъ, а вечеромъ, выучивъ свои уроки, онъ собиралъ своихъ домашнихъ и читалъ имъ ее вслухъ.

— Батюшка, я прочелъ житіе мученицы Параскевы, говорилъ черезъ день одинъ мальчикъ — дайте мнѣ теперъ другую книжку.

Вообще я глубоко убѣжденъ, что многіе изъ учениковъ вносили свою добрую религіозность, воспитанную въ нихъ на урокахъ о. Іоанна, домой и, несомнѣнно, должны были вліять на своихъ меньшихъ, по крайнѣй мѣрѣ, братьевъ и сестеръ.

Одинъ изъ моихъ товарищей на выпускномъ уже экзаменѣ, въ силу разныхъ случайныхъ препятствій не могъ подготовиться и отвѣтилъ по своимъ билетамъ очень дурно. Отецъ Іоаннъ настоялъ все таки на томъ, чтобы ему было поставлено „четыре“ въ виду его прилежанія и успѣшности въ теченіи гимназическаго курса. Тому прошло уже нѣсколько лѣтъ, а товарищъ мой и теперъ съ трудомъ рѣшился бы показаться на глаза своему доброму защитнику. По крайней мѣрѣ вплоть до отъѣзда своего изъ Кронштадта онъ избѣгалъ встрѣчи съ батюшкой, находя, что онъ „положительно обезславилъ послѣдняго передъ всѣми присутствующими своимъ дурнымъ отвѣтомъ и не оправдалъ его довѣрія“.

У насъ было не мало казенныхъ пансіонеровъ иногородныхъ, которые даже по большимъ праздникамъ по недостатку средствъ, должны были оставаться вдали отъ родныхъ, въ стѣнахъ гимназіи. Этихъ то бѣдняковъ обыкновенно выручалъ тотъ же батюшка, снабжая ихъ на дорогу къ роднымъ и обратно.

Вся гимназія — безъ различія національностей, можно сказать, ежедневно подходила подъ благословеніе батюшки. Къ нему прибѣгали всѣ ученики со своими дѣтскими запросами и нуждами, и онъ не только удовлетворялъ ихъ, но умиротворялъ своихъ „чадъ добрыхъ“. Часто ктонибудь изъ насъ во время урока просилъ батюшку рассказать намъ о томъ, у кого онъ бываетъ въ Петербургѣ, зачѣмъ его туда всегда зовутъ, и батюшкины рассказы, сопровождаемыя простыми назиданіями о необходимости и могуществѣ молитвы, не только насъ живо интересовали, но глубоко умиляли, оставляя добрые слѣды въ нашемъ міросозерцаніи. Мы ежедневно могли наблюдать толпу народа, нуждающуюся въ благословеніи, поученіи, совѣтѣ или помощи отъ нашего батюшки. Его призывали на нашихъ глазахъ и въ барскія хоромы, и въ убогую лачугу бѣдняка, и насъ живо всегда трогали эти взаимныя отношенія между добрымъ пастыремъ и его паствою. Какъ же мы были рады, когда пронесшійся было за 2 года до окончанія нами курса, слухъ объ оставленіи имъ занятій въ гимназіи не оправдался, и мы имѣли счастье окончить гимназическій курсъ такъ же, какъ и начали, у него.

Онъ благословилъ насъ въ даль-
нѣй путь дорогу, и облегченные
его теплымъ, сердечнымъ напут-
ствиемъ, мы смѣло могли глядѣть

въ свое будущее, вполне готовые
крѣпко хранить въ себѣ его свя-
тые завѣты.

Россія, Евразія, Византія *).

Наша эпоха снова ставитъ во-
просъ о мѣстѣ Россіи въ Европѣ,
какъ собирательной „христіанской
націи“. Старый споръ между сла-
вянофилами и западниками о томъ,
идетъ ли Россія съ Европой, или
она идетъ путями отличными отъ
путей Европы и даже противъ
Европы, продолжается. И запад-
ничество, и славянофильство, каза-
лось, исчерпавшіе свой аргументы,
возрождаются съ новой аргумен-
таціей на основѣ пережитого
историческаго опыта. Это воз-
рожденіе историко-философской
рефлексіи свидѣтельствуетъ о
томъ, что революція замкнула
цѣлый періодъ русской исторіи
— Петербургскій — и замкнула
такъ, что — по общему сознанию —
„къ прошлому возврата нѣтъ“ :
передъ Россіей — новая дорога,
еще невѣдомо куда ведущая.
Отсюда естественно рождаются
раздуміе, растетъ тревога, тра-
гическія недоумѣнія о судьбахъ
Россіи, о сфинксѣ Русской исторіи.
Мы спрашиваемъ себя — при
рѣзкости и радикализмѣ въ исто-
рическихъ переворотахъ — сохра-
няется ли единство русской души ?

Не одна Россія знала эти кру-
тые переломы національной жизни,

мѣняла свой духовный обликъ.
Мы привыкли говорить упрощенно
о чужой національной душѣ, пред-
ставляя ее болѣе статичной. Но
на нашихъ глазахъ произошло
перерожденіе великой націи :
Германія — за сравнительно
короткій періодъ — пережила
два перелома. Если судить о
нѣмцахъ по произведеніямъ рус-
скихъ писателей начала и середины
19 вѣка —, а они, конечно не
выдумывали, а писали съ натуры
— передъ нами — типъ роман-
тика, идеалиста, человѣка, отрѣ-
шеннаго отъ жизни. Потомъ —
послѣ революціи 1848 года обо-
значились новые пути созиданія
Германской имперіи, Германія
трезвой, реалистической, Герма-
нии Бисмарка и Лассалья, Германія,
совершившей поворотъ „отъ Канта
къ Круппу“. Изъ состоянія ро-
мантической анархіи возникла
мощная индустріальная имперія,
мечтающая о міровомъ господствѣ.
Неудачная война 1914—18 года,
и Германія становится неврасте-
ническимъ народомъ фантастовъ,
одержимыхъ бредовыми идеями.
Но мы чувствуемъ, что новая Гер-
манія связана съ Германіей Би-
смарка и Лассалья — такъ же, какъ
Германія Бисмарка связана съ
Германіей Фихте. Мы предпола-
гаемъ, что метафизическое един-

*) Запись по памяти доклада проф.
Г. П. Федотова.

ство Германіи сохраняется во всѣхъ этихъ переворотахъ. Это же вѣрно и для Россіи, которая не разъ мѣняла свою историческую дорогу, но вѣримъ, сохраняла единство своей метафизической сущности.

Что же такое Россія, какъ историческое явленіе, и что такое русская историческая культура? На это, конечно, невозможно отвѣтить точнымъ опредѣленіемъ. Но возможенъ другой, исторически болѣе оправданный подходъ къ этому вопросу: мы можемъ искать историческое мѣсто Россіи, отвѣчая не на вопросъ о томъ, что есть Россія, а устанавливая ея духовную генеалогію (родословіе) и опредѣляя ея мѣсто въ духовной географіи христіанскихъ культуръ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ западниковъ гласитъ, что Россія, поскольку она является культурной страной, есть страна европейская, при чемъ Европа понимается въ смыслѣ Западной Европы.

Этотъ отвѣтъ вводилъ Россію въ семью западныхъ народовъ наряду со всѣми другими, какъ одну среди многихъ. Опытъ русской революціи во многомъ подрываетъ западническую теорію, но все же окончательно ея не разрушаетъ.

Что можно сказать въ защиту положенія, что Россія является органической частью Западной Европы?

Мы русскіе, никогда не утрачивали способности понимать Западную Европу, равно какъ и Европа способна понимать насъ — между нами и европейцами устанавливается единство, какого

нѣтъ между Китаемъ и Европой, между Индіей и Европой. Достаточно указать на пониманіе и воспріятіе хотя бы русской литературы, успѣхъ Достоевскаго, Толстого. — Толстой усвоенъ въ полной степени; нѣсколько поколѣній западныхъ писателей на немъ училось. О Достоевскомъ позволительно сказать, что онъ становится болѣе европейскимъ писателемъ, чѣмъ русскимъ, такъ какъ сомнительно, чтобы будущая Россія жила Достоевскимъ такъ, какъ жили мы. Всѣ европейскіе писатели, художники и всѣ духовныя направленія (за исключеніемъ, быть можетъ французскаго классицизма) легко и свободно входили въ русскую культуру. Общеніе въ высшихъ цѣнностяхъ указываетъ на большое внутреннее единство.

Западничество, слѣдовательно, не легкомысленная ересь, а теченіе, отвѣчающее психологической и метафизической истинѣ близости между Западомъ и Россіей, опирающееся на фактъ взаимнаго пониманія большихъ духовныхъ цѣнностей.

Но все же остается фактомъ, что, вступая на путь Запада, Россія должна была порвать — и порвать рѣзко и круто — съ прошлымъ, должна была растоптать многія святыни и цѣнности, отъ которыхъ не имѣла права отказываться, и которыя мы съ такимъ трудомъ возстанавливаемъ изъ-подъ развалинъ петербургскаго періода.

Трудно даже представить себѣ, какой ущербъ понесло философское и богословское сознание православія за послѣдніе два

вѣка. Мы облакали въ католическія и протестанскія формулы содержаніе, по существу чуждое западному опыту; мы отреклись отъ традицій и древне-русскаго искусства. — Соприкосновеніе съ западной культурой сдѣлало чрезвычайно труднымъ возрожденіе древне-русской традиціи. Въ области философіи, въ области научнаго знанія русская мысль въ теченіи всего 19 вѣка мучительно преодолѣвала традиціи Запада, чтобы притти къ построенію русской философіи, не просто повторяющей древнюю философію, но отвѣчающей въ чемъ то основному древней эллинской традиціи. Наше духовное и философское возрожденіе 19—20 вѣка проходило подъ знакомъ борьбы съ Западомъ и возвращенія къ инымъ началамъ. Отрѣшиться отъ сознанія этого факта мы не можемъ: какъ ни доступенъ намъ Западъ, какъ ни велико сознаніе единства, въ самомъ основному и глубокомъ мы чувствуемъ и расхожденіе съ нимъ.

Но если Россія не просто входитъ въ семью европейскихъ народовъ, какъ ея составная часть, въ чемъ своеобразіе Россіи, что объясняетъ ея неспособность вложиться въ западно-европейскую семью?

Отвѣты на эти вопросы были различны. Въ славянофильскомъ отвѣтѣ была органическая двусмысленность, сказавшаяся въ самомъ наименованіи — „славянофиловъ“. Оно ставило удареніе на языковомъ, даже расовомъ, природномъ началѣ: Россія есть часть своеобразной семьи славянскихъ народовъ, которая можетъ и должна развивать свою

культуру въ противовѣсъ культурѣ романо-германской. Эта мысль у славянофиловъ осложнена другой: общеславянское не въ томъ что обусловлено общностью крови, языка, расы, а въ томъ, что принесено славянамъ православіемъ, что у нихъ отъ православія. Съ этой точки зрѣнія чехи и поляки, хотя и принадлежащіе къ славянской семьѣ по крови, но не исповѣдывающіе Православія, являлись выпавшими изъ славянскаго единства. Такимъ образомъ въ славянофильствѣ двѣ идеи сплетались своеобразно — идея примата расы и идея примата греческой православной культуры.

Примѣръ Польши показываетъ ложь упрощеннаго расоваго пониманія: идея славянскихъ народовъ сама по себѣ не способна обосновать глубокаго единства, ибо славянство само расколось, примкнувъ къ двумъ религіознымъ и культурнымъ мірамъ — восточному и западному. И расхожденіе между двумя его половинами не лингвистическое, не кровно — этническое — ибо одни и тѣ же племена вошли въ тѣло и Польши и Бѣлоруссіи — а расхожденіе, порожденное различіями религіозно-культурными. Отказавшись совершенно отъ расоваго обоснованія русской культуры, мы можемъ сохранить вторую идею славянофильства.

Въ годы, послѣдовавшіе за революціей, анти-западническая тема съ большой силой и блескомъ представлена евразійствомъ — теченіемъ сроднымъ славянофильству и вмѣстѣ — и противоположеннымъ ему въ обоихъ его тезисахъ.

Укажемъ въ видѣ краткихъ

положений положительныя и отрицательныя стороны евразійства.

Въ чемъ правда Евразійства? Прежде всего, конечно, въ указаніи на большую легкость общенія Россіи съ Востокомъ. Это — нашъ психологическій опытъ. Русскіе люди съ трудомъ вступаютъ въ тѣсное, бытовое общеніе съ Западомъ, должны быть все время на сторожѣ, держать себя въ рукахъ, воспитывать себя для этого общенія. На Востокъ же по существу, какъ будто бы въ совершенно чуждой средѣ — ощущаютъ себя легко, безъ усилій осваиваются съ бытомъ. Легкость бытового общенія съ Востокомъ — примѣчательный фактъ, отъ котораго можно отправляться. При соприкосновеніи съ Востокомъ обнаруживается далѣе большое сродство вкусовъ, близость мотивовъ орнаментальнаго искусства, музыки. Въ восточныхъ украшеніяхъ узнаемъ знакомыя черты русскаго орнамента, русскія луковки — главы церквей — неожиданно встрѣчаются въ зодчествѣ Индіи и т. д.

Это сознание единства орнаментальнаго стиля съ Востокомъ охватываетъ русскіхъ людей при возвращеніи съ Запада, — въ своеобразіи Москвы чувствуешь дали Китая, Индіи. Это чувство поверхностно и быстро проходить. Современные лингвисты — евразійцы — кн. Н. С. Трубецкой, Якобсонъ — много сдѣлали, чтобы установить общность звуковыхъ законовъ въ средѣ такъ называемой евразійской группы народовъ: звукъ „ы“ присущій какъ русскимъ, такъ и народамъ „туранской семьи“; масса словъ

туранскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ и т. д. Наконецъ, если обратить вниманіе на государственный строй древней Руси и Запада, различіе оказывается весьма значительнымъ.

Европейскія государства преимущественно государства правовыя, тогда какъ Московское царство носитъ ясно выраженный восточный „служилый“ характеръ: Евразійцы говорятъ о монгольскихъ корняхъ русскаго государства — видятъ въ немъ созданіе Чингизъ-Хана. Восточный типъ государства прямая противоположность западному: это государство, лишенное момента свободы, утверждающее примать государственныхъ цѣлей надъ личными, государство съ неограниченнымъ вмѣшательствомъ во всѣ сферы личной жизни, однако же, проникнутое сознаніемъ долга осуществленія не права, но правды.

Эти черты подмѣнены евразійцами вѣрно. Хотя еще Карамзинъ говорилъ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ“, но до конца и въ серьезъ связь русскаго государства съ татарскими корнями не была изслѣдована. Во всемъ этомъ евразійство имѣетъ несомнѣнный и большіе заслуги. Есть у евразійства и политическая заслуга — оно пыталось замѣнить понятіе русской или великорусской націи болѣе широкимъ и объемлющимъ („евразійская нація“).

Евразійство — теченіе несомнѣнно національное по своему происхожденію, но преодолюющее узкій націонализмъ: евразійство дѣлаетъ русскую струю одной изъ многихъ въ цѣломъ Рос-

си, открываетъ мѣсто другимъ народамъ, живущимъ на территории Россіи, въ качествѣ равноправныхъ строителей русской культуры и государственности.

Въ чемъ же неправда евразійства? Коренная ошибка и неправда его въ томъ, что своеобразіе Русской культуры конституируется имъ безъ отношенія къ той основѣ, на которой вырастаетъ всякая культура — безъ отношенія къ основѣ религиозной.

Между православною Россіей и восточными, преимущественно магометанскими народами, входящими въ составъ Евразіи, религиозно, казалось бы, нѣтъ ничего общаго.

Какимъ образомъ евразійцы, именующіе себя православными и такъ много говорящіе о приматѣ религиознаго начала — могутъ объяснить этотъ поразительный фактъ, что христіанская нація оказалась менѣе связанной съ другими (западными) христіанскими націями и болѣе близкой къ язычникамъ и магометанамъ.

На это евразійцы пытались дать два отвѣта. Одинъ отвѣтъ — чисто натуралистическій. Забывая о „бытовомъ исповѣдничествѣ“, одни евразійскіе идеологи, пытаются истолковать основы культуры натуралистически и говорятъ, что особенности русской культуры до конца объясняются природными факторами — географическимъ положеніемъ, свойствами почвы и т. д. Единство евразійскаго міра объясняется тѣмъ, что культуры, живущія въ однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ, обнаруживаютъ большую общность.

Въ такомъ истолкованіи генезиса культуры евразійство воз-

вращается къ натурализму 18 вѣка или къ позитивизму Бокля (Данилевскаго), отрицающему религиозное воспріятіе культуры.

Другое истолкованіе хочетъ сохранить значеніе религиознаго начала и избѣгать натурализма. Эти попытки встрѣчаются даже у тѣхъ философовъ евразійства, которые даютъ и чисто натуралистическое объясненіе факта своеобразія русской культуры (кн. Трубецкой).

Обращая вниманіе на религиозное своеобразіе Русскаго народа, они объясняютъ его тѣмъ, что религиозная душа русскаго человека совпадаетъ съ религиозной душой народовъ Востока.

Такое утвержденіе было высказано. Оно является явнымъ вызовомъ христіанству, какъ вселенской религіи.

Въ московскомъ православіи, дѣйствительно, произошло своеобразное прерожденіе — на первый планъ выдвинулась обрядовая сторона, расцвѣлъ законнической моментъ. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію евразійцевъ, установилась такая близость къ магометанству, что въ обрядѣ, во внѣшнемъ выраженіи своей религиозной жизни русскіе православные и магометане предстоятъ предъ Богомъ — предъ своей святыней — одинаково: у каждаго свой законъ, своя правда, но переживания ихъ, религиозный опытъ — тождественны.

Для обоснованія этого взгляда евразійцамъ пришлось стилизовать московское православіе, изгнать изъ него всѣ мистическія связи съ Византіей и съ тѣмъ, что было самага глубокаго и мистически значительнаго въ

древней русской мысли и жизни. Всѣ другіе грѣхи евразійства оказываются болѣе легкими и простительными по сравненію съ этимъ основнымъ грѣхомъ. Евразійство беретъ отъ русской исторіи только Москву: считая началомъ русской исторіи моментъ завоеванія Руси монголами, оно ставитъ крестъ надъ Новгородомъ и Киевомъ, т. е. вычеркиваетъ изъ русской исторіи наиболѣе блестящія и культурно-значительныя эпохи, завѣщавшія Москвѣ все ея духовное богатство — иконографію, письменность, самую святость.

Тотъ же грѣхъ совершаютъ они и передъ Петербургомъ: подчеркивая явленія упадка, связаннаго съ духовными вліяніями Запада, и забывая, что именно въ Петербургѣ впервые за тысячелѣтіе расковано русское слово. Какимъ образомъ Россія — изживая, якобы себя — могла произвести Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого? Вопросъ остается безъ отвѣта.

На имени Достоевскаго слѣдуетъ остановиться: евразійцы относятся къ нему съ прямой ненавистью. Изъ наслѣдія 19 вѣка они принимаютъ Лѣскова, принимаютъ Толстого, но не могутъ принять Достоевскаго. Историческія построения русской культуры, не могущія вмѣстить въ себя Достоевскаго или Толстого явно односторонни, являются слишкомъ узкими концепціями Русской исторіи. Евразійцы слишкомъ много выбрасываютъ за бортъ для того, чтобы сохранить стилизованную Москву. Если русская культура будетъ создаваться въ тонахъ евразійства, —

она будетъ культурой въ шорахъ, культурой въ колодкахъ.

Какъ совмѣстить правду и неправду евразійства?

Русская дѣйствительность предстаетъ передъ нами въ очень сложныхъ взаимоотношеніяхъ съ Востокомъ. Въ началѣ Русь вступаетъ въ борьбу съ Востокомъ (борьба кievской Руси съ кочевниками, со „степью“), въ борьбу за Христа противъ язычества, противъ Ислама, но въ этой борьбѣ, даже внѣшнѣ побѣждая, Россія иногда оказывалась побѣжденной внутренне: плѣненность Востокомъ — сопутствующій моментъ русскаго крестonosнаго служенія.

Это участь не только Россіи — Западный христiанскій міръ, борясь съ Востокомъ, тоже не могъ удержаться отъ восхищенія передъ Востокомъ: рыцари-крестonosцы приносили на Западъ арабскіе вкусы, искусство, науку, даже арабскія ереси.

16 вѣкъ въ исторіи Россіи былъ временемъ особаго затопленія восточными элементами. Татарскіе выходцы, даже некрещенные, входятъ массаами въ составъ служилаго дворянства, проникаютъ въ придворные круги, восточная утварь заполняетъ боярскій бытъ, какъ западная въ слѣдующій — 17 вѣкъ: приемы иностранныхъ пословъ происходитъ по церемоніалу, заимствованному у татаръ, соколиная охота создается по персидскимъ образцамъ. Отгородившись отъ Запада непроходимымъ барьеромъ, Россія смотрѣла на Востокъ: Востокъ — отъ ближайшихъ къ Россіи ханствъ до предѣловъ Индіи и Китая — былъ привычнымъ міромъ.

Россіи, въ которомъ она должна была ориентироваться, съ которымъ должна была сблизаться, хотя и завоевывала его шагъ за шагомъ.

Эта ориентализація Россіи евразійствомъ подмѣчена вѣрно, но только съ тѣмъ ограниченіемъ, что она относится къ сравнительно недолгому періоду русской исторіи, длившемуся всего около полутора вѣковъ. Въ 17 вѣкѣ Россія поворачивается лицомъ къ Западу. Именно на Западъ — черезъ — Польшу — она ищетъ утраченныхъ основъ духовной культуры и даже пытается съ помощью Запада достигъ осмысленія своихъ религіозныхъ цѣнностей (Кіевскій періодъ русскаго богословія).

Отъ евразійскаго востока возвращаемся къ темѣ Византіи, намѣченной уже отчасти, какъ мы видѣли, славянофильствомъ. Славянофилы уже говорили, что вся цѣнность русской культуры объясняется тѣмъ, что она выросла на почвѣ Византіи (а не Рима).

Можно утверждать, что именно въ византійскомъ происхожденіи русской культуры ключъ ко всему ея своеобразію — и вмѣстѣ съ тѣмъ — къ ея двойственности, къ ея открытости и для Востока и для Запада.

Византія представляетъ органическое, глубокое соединеніе эллинизма съ восточными элементами. Политически Византія есть продолженіе греко-римской имперіи. Византія въ своей основѣ, какъ и греко-римская имперія, была эллинистической: ея языкомъ былъ языкъ греческій, она унаслѣдовала культурныя традиціи эллинскаго міра. Но вмѣстѣ

съ тѣмъ она восприняла много элементовъ Востока, — особенно со временъ Діоклитіана, — она настолько ориентализировалась, что даже идетъ споръ, нельзя ли ее считать чисто восточнымъ міромъ.

Но несомнѣнно, что основной стволъ Византіи — преемницы греко-римской имперіи — греческій. Византія — это ориентализированный эллинизмъ, но все же эллинизмъ. И не случайно, что она сохранила самое основное — греческій языкъ и сохранила его — по сравненію съ классическимъ языкомъ — въ несравненно болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ средніе вѣка — латинскій языкъ по сравненію съ классическимъ языкомъ Рима.

Степень ориентализаціи различныхъ сторонъ жизни и быта въ Византіи была не одинакова. Наибольшей ориентализаціи подверглась политическая жизнь. Старыя гражданскія свободы, широкое развитіе свободныхъ городскихъ общинъ — государствъ (*πόλις*) уступили мѣсто восточной бюрократической централизаціи.

Государственное Византійское сознание носитъ опредѣленно экуменической (*ἡκουμένη* = вселенная) характеръ. Византійская имперія — въ идеѣ — универсальна — всѣ христіанскіе народы должны войти въ ея составъ. Если Западъ обособился, то — это съ точки зрѣнія византійскаго сознанія, — недолжное состояніе, проявленіе бунта. На русскихъ князей — послѣ принятія Русью христіанства — византійскіе императоры смотрятъ какъ на своихъ вассаловъ. Въ этомъ — традиція римскаго универсализма. Переходя къ явленіямъ духовной куль-

туры, необходимо отмѣтить, что ориентальные мотивы и приемы сильны въ византійскомъ искусствѣ; въ этомъ отношеніи есть разительная противоположность между эллинскимъ и византійскимъ искусствомъ. Но всеже — эллинскія традиціи никогда не умирали, и ихъ жизненность и сила обеспечивали возможность извѣстныхъ ренессансовъ византійскаго искусства въ смыслѣ оживанія въ немъ эллинскихъ мотивовъ.

Въ области мысли философско-богословской — восточныя вліянія были очень слабы — философская мысль Византіи живетъ наслѣдіемъ Платона и Плотина, впрочемъ и Аристотеля.

Не умираетъ также изученіе Гомера, греческихъ трагиковъ.

Если Византію опредѣляютъ, какъ ориентализированный эллинизмъ, а Римъ, какъ романизированный эллинизмъ, то эллинизмъ и есть общее мѣсто, роднящее Западъ и Востокъ. Именно черезъ эллинизмъ, воспринятый Россіей вмѣстѣ съ Византійской культурой, Россія имѣетъ общее достояніе съ Западомъ. Отсюда возможность пониманія даже чуждаго намъ римскаго юридикзма. Отталкиваясь отъ крайнихъ его выраженій, мы понимаемъ значеніе права, потому что за этимъ правомъ стоитъ эллинская мысль, и мы находимъ съ Западомъ общій культурный домъ на почвѣ дохристіанскаго эллинизма.

Утверждать это еще не значитъ утверждать, что Россія просто продолжаетъ Византію или занимаетъ по отношенію къ ней положеніе покорнаго ученика. Сказать это о Россіи такъ же

нельзя, какъ нельзя и о Западѣ сказать, что онъ есть продолженіе Рима.

Между современными культурами и культурой римской лежитъ цѣлый рядъ историческихъ переворотовъ: нерѣдко національныя сознанія новыхъ народовъ опредѣляли себя, какъ антиримскія — какъ на примѣръ, германское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что всѣ западныя культуры — дѣти Рима, хотя иногда и непокорныя дѣти.

Наши отношенія къ Византіи, быть можетъ, подобны отношеніямъ германской культуры къ Риму. Это отношенія борьбы, но безъ утраты основного единства. Взять хотя бы, на примѣръ отношеніе къ Византіи первыхъ русскихъ крещенныхъ людей. Они все получили отъ Византіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и отталкиваются отъ Византіи: „Суть же греци льстиви даже до сего дне“, — характеризуетъ грековъ Несторъ. Русь, получивъ вѣру отъ Византіи, утверждаетъ свое особое религиозное призваніе „работниковъ, пришедшихъ во единонадесятый часъ“, канонизируетъ русскихъ святыхъ вопреки волѣ Византіи. Отношенія Руси къ Византіи — очень сложны. Пытаясь охарактеризовать своеобразіе Руси по отношенію къ Византіи, легко впасть въ извѣстную вулгаризацію и упрощеніе. Но всеже — попробуемъ указать нѣкоторыя отличительныя черты.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить духъ свободы, несомнѣнно сказывающійся и въ политической жизни древней Руси, свободы, напоминающей европейскій феодализмъ. Этотъ духъ свободы,

утраченный въ Москвѣ, мы ощущаемъ въ жизни Россійской имперіи, если не въ сферѣ государственной, то въ сферѣ духовной, въ творествѣ интеллигенціи. Культуры Кіева, Новгорода, Петербурга — культуры свободы, а не культуры восточнаго деспотическаго типа.

Второе — при изученіи религиозной жизни древней Руси, поражаетъ то, что можно назвать православнымъ евангелизмомъ — открытіе (еще въ XI вѣкѣ) чело-вѣческаго образа Христа, Христа уничиженнаго, — страждущаго, а не прославленнаго, и стремленіе воплотить въ жизни, въ святости „кенозисъ“ — (вольное уничтоженіе, „истощаніе“) Христа, стремленіе подражать ему въ этомъ отношеніи. Юродство есть одна изъ формъ русскаго „кенозиса“. Эта основная устремленность проходитъ чрезъ всю исторію русской души, и живетъ — какъ это ни покажется страннымъ — даже въ безбожной русской интеллигенціи.

Въ области эстетики мы, несомнѣнно, чрезвычайно многимъ обязаны Византіи. Однако въ сознаніи Россіи всегда существовало ощущеніе противоположности между пышностью барочнаго декаданса Византійскаго искусства и простотой христіанства. Это требованіе простоты, съ такой силой сказавшееся въ Пушкинѣ и Толстомъ, простоты, которой мы не находили въ Византійской культурѣ, построенной на позднѣйшемъ эллинизмѣ, бывало порой — при непониманіи извѣстной законности барокко — даже губительнымъ для насъ, открывая, какъ, напри-мѣръ, Л.

Толстого, отъ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — требованіе простоты — черта дорога намъ, отъ которой мы не можемъ отказаться.

Въ Москвѣ происходитъ осложненіе нашей связи съ Византіей. Въ Москвѣ наблюдаемъ двойной процессъ ориентализаціи — чрезъ усвоеніе началъ Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ — сильныхъ влияній съ Востока.

Эта двойная ориентализація — оказалась чрезвычайно опасной для русской души. Опытъ Москвы показываетъ, что ориентализація въ такихъ дозахъ можетъ быть смертельной — привести къ утерѣ русской культурой живой силы религиознаго чувства, а потомъ и къ омертвенію всѣхъ тканей культуры.

Создавать культуру, строить государство въ формахъ Востока Русь не могла. Отсюда — естественная неизбѣжность и жизненная правда реформъ Петра. Петръ чрезъ соприкосновеніе съ Западомъ воскресилъ древнія начала русской жизни, хотя и цѣною необычайныхъ трудностей. Благодаря этому 19 вѣкъ — величайшій вѣкъ въ исторіи Россіи, когда она впервые за все время своего бытія заговорила полнымъ голосомъ, дала міру то, что могла дать — св. Серафима Саровскаго и Пушкина.

Стоя на почвѣ 19 вѣка — этого русскаго классицизма, можно возвращаться и къ Византіи, и къ древней Греціи. Это основная линия — чрезъ Византію — къ Греціи. Съ этой большой дорогой мы можемъ дѣлать экскурсы и на Востокъ и на Западъ, можемъ воспринимать и прерабатывать элементы Востока и Запада. И

въ этой творческой переработкѣ элементовъ двухъ міровъ — можетъ быть — и заключается своеобразіе историческаго призванія Россіи. Западъ усумнился нынѣ въ основахъ творимой имъ культуры, Западъ обращается къ Востоку, и передъ нимъ стоитъ угроза затопленія Востокомъ. Можетъ быть, Россія, переживъ всѣ опыты отравленія и Востокомъ и Западомъ, окажется болѣе свободной, болѣе здоровой, ока-

жется подлиннымъ центромъ между Римомъ и Пекиномъ, Римомъ и Бенаресомъ.

Востокъ и Западъ готовы вступить въ бой. Россія должна сохранить независимость въ этомъ столкновеніи. Ея призваніе — крестить Востокъ и быть посредницей религіознаго просвѣтленія Востока христіанствомъ.

Въ этомъ своеобразіе исторической миссіи Россіи.

„Когда это кончится“?

(Вопросъ на вопросъ.)

(Отвѣтъ Владыкѣ Антонію.)

Въ № 12 журнала „Церковная жизнь“ (издается при Архіерейскомъ Синодѣ Русской Православной Церкви за границей) помѣщена замѣтка Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія по поводу напечатаной въ „Вѣстникѣ“ статьи „О смертной казни*“). Владыка Антоній въ своей замѣткѣ обвиняетъ „Вѣстникъ“ въ „каноническомъ невѣжествѣ“, въ крайней „недбросовѣстности“ и — даже — въ разрушеніи православія. Считаемо необходимымъ привести эту замѣтку полностью.

„Прочиталь я въ Вѣстникѣ Христіанскаго Студенческаго Движенія статью „О смертной казни“, въ которой авторъ совершенно игнорируетъ правила Св. Вселенскихъ Соборовъ, какъ это и вообще обычно дѣлается на страницахъ названнаго выше журнала.

*) „Когда это кончится“. Церковная Жизнь № 12. 1933 г.

Между тѣмъ имѣется правило въ каноническомъ посланіи Св. Аѳанасія Великаго, которое опредѣленно излагаетъ ученіе Св. Церкви о допустимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійства, напр. на войнѣ. Правило это гласитъ: „Ибо и въ другихъ случаяхъ жизни обрѣтаемъ различіе, бывающее по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, на примѣръ: непозволительно убивать, но убивать враговъ на брани, и законно и похвалы достойно. Тако великихъ почестей сподобляются доблестные въ брани, и воздвигаются имъ столпы, возвѣщающіе превосходныя ихъ дѣянія. Такимъ образомъ одно и то же, смотря по времени, и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, и благо временно, допускается и позволяется“ (посланіе къ Амуну монаху).

Вся двадцатая глава Второзаконія и нѣкоторыя другія главы Ветхаго Завѣта требуютъ отъ

Израиля, чтобы онъ поголовно избивалъ всѣхъ враговъ Господнихъ, которые не исполняютъ мирныхъ предложеній побѣдителя — Израиля.

Тамъ встрѣчаются такія выраженія какъ: „да не пощадитъ ихъ глазъ Твой“. Эти наставленія о военныхъ дѣйствіяхъ неизбѣжны, когда высшей цѣлью государственной жизни является сохраненіе той или иной народности; большевики своими звѣрствами дали наглядное доказательство неприложимости въ государственной жизни теоріи Льва Толстого и другихъ непротивленцевъ.

Если автору статьи: „О смертной казни“ и редакціи Вѣстника, какъ большинству невѣжественныхъ истолкователей евангельскихъ общецерковныхъ требованій, каноны кажутся необязательными, то пусть они честно заявляютъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, который не связанъ никакимъ обязательнымъ авторитетомъ, мы же со своей стороны по крайней мѣрѣ въ двадцатый разъ противопоставляемъ имъ совершенно ясное и безспорное ученіе Св. Церкви и не можемъ скрыть чувства глубокаго возмущенія по поводу непроходимаго невѣжества или же крайней недобросовѣстности упомянутыхъ писателей: нѣтъ ничего болѣе безчестнаго, какъ заявляя о своемъ православіи, неотступно заниматься его разрушеніемъ. Впрочемъ еще разъ напомнимъ имъ, что значитъ каноническій: это то, что сказали Вселенскіе Соборы отъ лица всей Церкви, ибо иначе отъ

христіанства останется одно имя, какъ пишетъ это Св. Василій Великій въ 91 прав. своего каноническаго посланія.

Сколько разъ я напоминалъ читателямъ о томъ, что на ряду съ евангелиемъ для насъ, христіанъ, обязательно правило Св. Апостоловъ и Вселенскихъ Соборовъ, „однако все не впрокъ“ (Крыловъ).

Не вразумятся издатели Парижскаго журнала (т. наз. „имковцы“ *) и этимъ указаніемъ, но, приближаясь къ вратамъ смерти, я рѣшилъ еще разъ поступить согласно слову пророка Іереміи: „Но если ты вразумлялъ беззаконника, а онъ не обратился отъ беззаконія своего и отъ беззаконнаго пути своего, то онъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а ты спасъ душу свою“ (Іер. 3, 19).

Скажутъ, мы ничего этого не знали; почему намъ раньше этого не говорили?

Говорено было многократно, но вы не хотѣли знать и не будете знать.

Такое притворство, прикрывающееся незнаніемъ главнаго источника нашихъ свѣдѣній о законѣ Православной Церкви, усилилось особенно среди русскихъ подъ влияніемъ протестанства, научившаго ихъ взирать на ученіе Христа какъ-бы сверху внизъ, и кромѣ того неискренно и несерьезно.

Когда же это кончится?! Боже мой, когда же это кончится?!“

*) О различіи между „Имка“ и Движеніемъ „Вѣстникъ“ неоднократно писалъ. Въ этомъ № объ этомъ говоритъ статья О. С. Четверикова.

**Нѣсколько словъ по поводу замѣтки „Когда это
кончится? Блаженнѣйшаго Митрополита
Антонія.**

(Церковная Жизнь. 1933. № 12).

Съ болѣзненнымъ чувствомъ берусь я за перо, чтобы отвѣтить на вышеназванную замѣтку Владыки митрополита Антонія. Владыка Антоній — мой ректоръ, и, кромѣ того, ему я обязанъ началомъ моего обращенія къ правильной церковной жизни — онъ именно поставилъ меня на путь Служенія Православной Церкви. Поэтому мнѣ и больно выступать съ возраженіями ему, чего я до сихъ поръ никогда печатно не дѣлалъ, но съ другой стороны, я не могу оставить безъ отвѣта его несправедливыя нападки на мою молодую паству — Русское Студенческое Христіанское Движеніе. Пишу съ нѣкоторымъ опозданіемъ, потому что только на-дняхъ мнѣ пришлось познаться со статьею Владыки Антонія. Было время, когда митрополитъ Антоній былъ другомъ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія. Въ 25-мъ году онъ былъ почетнымъ Предсѣдателемъ на Хоповскомъ Съѣздѣ Движенія. Онъ составилъ молитву о Движеніи, которая и донинѣ читается въ Движеніи: „Владыка, Господи, Боже нашъ, на земли Церковь Твою основавый, и въ ней спасеніе людемъ Твоимъ общавый...“ Въ этой молитвѣ Владыка проситъ Бога „благословить Союза нашего процвѣтеніе“, сохранить его отъ всякихъ козней дьявольскихъ, и укрѣпить

его для служенія православной Церкви.

Русское Студенческое Христіанское движеніе со времени Хоповскаго Съѣзда и до нынѣ остается однимъ и тѣмъ же. Первый параграфъ его устава говоритъ, что оно имѣетъ цѣлью „объединеніе вѣрующей молодежи для служенія православной Церкви, для привлеченія къ вѣрѣ невѣрующихъ, для взаимной помощи въ выработкѣ Христіанскаго міровоззрѣнія, для защиты Вѣры и Церкви, для борьбы съ современнымъ атеизмомъ и матеріализмомъ.“

Движеніе посвящено имени Божіей Матери. Съ 28-го года оно имѣетъ свой постоянный храмъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и своего постоянного священника.

Если бы Владыка-Митрополитъ присутствовалъ на Съѣздахъ Движенія въ Печерскомъ Монастырѣ въ 29-мъ году, и на Съѣздахъ въ Пюхтицскомъ монастырѣ въ 30-мъ и 32-мъ годахъ, въ Эстоніи, онъ увидѣлъ бы, какъ живо и сильно въ Движенской молодежи Православно-церковное чувство. Это настроеніе молодежи нельзя описать. Его надо видѣть. Говорить о тождествѣ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія съ Имкой можно только по недоразумѣнію, или со злымъ умысломъ. Имка, съ которою

Движеніе находится въ дружескихъ отношеніяхъ, по своему корню есть организація протестанская, по своей дѣятельности — интерконфессіональная, тогда какъ Русское Христіанское Студенческое Движеніе является всецѣло православной организаціей — и по своей идеологіи, и по своей практикѣ, и по подавляющему большинству своего состава. Поэтому упрекать Движеніе въ протестантизмъ въ вышей степени несправедливо. И особенно несправедливо по такому поводу, какъ вопросъ о смертной казни. Кому же неизвѣстно, что смертная казнь за уголовныя преступленія существуетъ именно въ странахъ протестантскихъ и католическихъ, и особенно во Франціи, и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ православной же Россіи смертная казнь за уголовныя преступленія отмѣнена была еще въ половинѣ 18-го вѣка указомъ Императрицы Елизаветы Петровны, изъ чего совершенно ясно, что противниками смертной казни являются не протестанты и не католики, а именно православные.

Защищая смертную казнь, Владыка-Митрополитъ, да проститъ онъ мнѣ это слово, стоитъ именно на протестантской и католической, а не на православной точкѣ зрѣнія.

Существованіе смертной казни во Франціи и въ Америкѣ, несомнѣнно, вноситъ въ атмосферу общественнаго сознанія какія-то нравственно-ядовитыя міазмы, однихъ приучаетъ къ нездоровому зрѣлищу, другимъ внушаетъ взглядъ на смертную казнь, какъ на актъ мести преступнику, или

какъ на способъ его радикальнаго изытія изъ общества, какъ на средство самозащиты. Такая социальная точка зрѣнія на смертную казнь, конечно, съ высшей степени отвратительна. Это отмѣчалъ когда-то еще Ѳ. М. Достоевскій.

Ея не чужда и та статья въ „Вѣстникѣ“, которая дала поводъ Владыкѣ Антонію выступить со своею замѣткой. Я — не защитникъ этой статьи, и не раздѣляю точки зрѣнія автора. Но нельзя и опровергать взглядъ автора такъ, какъ это дѣлаетъ Владыка. Приведенное имъ правило Св. Аѳанасія Великаго никакого отношенія къ смертной казни не имѣетъ. Оно говоритъ объ убійствѣ на войнѣ.

Нельзя ссылаться и на повелѣніе Господа Израилю „поголовно истребить всѣхъ враговъ его“. Здѣсь также рѣчь идетъ не о смертной казни. Правильнѣе было бы сослаться на прямое установленіе въ Великомъ Завѣтѣ смертной казни за тѣ или иныя преступленія. Съ этой именно точки зрѣнія и долженъ былъ бы отстаивать смертную казнь протестантскій міръ, имѣющей особенную привязанность къ буквѣ Писанія. Православная точка зрѣнія, выразившаяся въ указѣ Императрицы Елизаветы Петровны объ отмѣнѣ смертной казни, вполне справедливо поставляетъ Христову Заповѣдь о прощеніи и милосердіи выше ветхозавѣтнаго правила: „око за око, и зубъ за зубъ“. И этотъ указъ Императрицы имѣетъ, несомнѣнно, нравственно-оздоровляющее и христіански-воспитывающее значеніе для русской совѣсти.

Чтобы высказаться до конца по вопросу о смертной казни, я долженъ все-таки открыто сознаться, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ я признаю справедливой и необходимой смертную казнь, конечно, не по тѣмъ пошлымъ соображеніямъ соціальной безопасности, о которыхъ упоминаетъ авторъ статьи въ „Вѣстникъ“ противъ смертной казни. Смертная казнь — это несомнѣнный ужасъ, какъ для казнимаго, такъ и для казнящихъ. Но этотъ ужасъ въ иные моменты бываетъ спасительнымъ. Изъ смертной казни нельзя дѣлать заурядное явленіе, орудіе общественной безопасности. Это отвратительно и гнусно. Къ сожалѣнію, это именно и дѣлается на западѣ. Но смертная казнь можетъ имѣть и религіозное значеніе, искупительный смыслъ, смыслъ какой-то Божіей правды, смыслъ удовлетворенія человѣческой совѣсти. Такъ именно она и бываетъ принимаема иногда и самимъ преступникомъ, и общественнымъ сознаниемъ.

Въ такихъ случаяхъ она является актомъ Божей правды, актомъ духовнаго потрясенія, и

для преступника, и для общества. Преступникъ принимаетъ въ этомъ случаѣ смертную казнь, какъ искупительную жертву за свои преступленія, смиренно и покаянно; общество жалѣетъ преступника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смиряется передъ велѣніемъ высшей правды. Угасаютъ взаимныя вражда и злоба, и смертная казнь уже не является ни актомъ мести, ни актомъ устрашенія, ни актомъ самозащиты, но какимъ-то, хотя и ужаснымъ, но необходимымъ актомъ праведнаго воздаянія, предъ которымъ всѣ смиряются.

Это понималъ одинъ изъ разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ, когда сказалъ: „Мы достойное подѣламъ нашимъ воспринимаемъ, Сей же ни единого зла сотвори“. И обратившись ко Христу, прибавилъ: „Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!“ На что и услышалъ въ отвѣтъ: „Днесъ со Мною будеши въ раю!“ (Еван. Лук. 23. 40—43).

Протоіерей Сергій Четвериковъ

Духовный Руководитель Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія.

3. II. 1934.

Обитель „Нечаянная Радость“.

Дозволительно ли по ученію св. Церкви убійство.

(Сводка каноническихъ постановленій).

О. С. Четвериковъ въ своей статьѣ даетъ обстоятельный отвѣтъ на обвиненія, высказываемыя Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкой Антоніемъ. Поэтому, не касаясь уже самихъ обвиненій,

остановимся преимущественно на основномъ вопросѣ-каково безспорное и ясное ученіе св. Церкви о дозволительности или недозволительности убійства.

Послѣдній и безспорно-авто-

ритетный отвѣтъ могутъ дать только сами каноническія постановленія. Къ нимъ и обратимся.

* * *

Общее отношеніе Церкви къ убійству.

65 Правило Св. Апостоль „Кто въ спорѣ ударить кого либо и убьетъ, нанеши хотя бы и одинъ ударъ, — если клирикъ — да будетъ изверженъ за дерзость свою, а если мірянинъ —, да будетъ отлученъ. Ибо посему и Господь повелѣваетъ — не только не отомщать обидѣвшему, но и подставлять правую щеку бьющему, такъ какъ ссора иногда оканчивается убійствомъ“.

За вольное убійство по 5 правилу св. Григорія Нисскаго полагается 27 лѣтняя епитимія — первое девятилѣтіе запрещенный долженъ быть въ совершенномъ отлученіи — быть внѣ церкви и плакать, послѣднія два девятилѣтія — можетъ стоять въ притворѣ (на паперти) и только послѣ 27 лѣтняго покаянія можетъ быть удостоенъ причастія Св. Тайнъ. (Синтагма Матфея Властаря*). „Оскверненнаго убійствомъ (даже невольнымъ) правило признаетъ недостойнымъ священнической благодати“ (тамъ же).

*) Синтагма — „собраніе по алфавитному порядку всѣхъ предметовъ, содержащихся въ священныхъ и божественныхъ канонахъ“. Матѳей Властарь — солунскій іеромонахъ, жившій въ XIV вѣкѣ. Синтагма М. Властаря, въ качествѣ авторитетнаго каноническаго сборника, въ Русской Церкви пользовалась такимъ уваженіемъ, что приобрѣтеніе и изученіе ея (наряду еще съ нѣсколькими книгами) считалось необходимымъ условіемъ для поставленія въ санъ епископа или священника (Предисловіе ко 2му (Кіев.) изданію Номоканона (XVII в.) Указъ св. Синода 8. III. 1861 года).

Невольный убійца подлежитъ девятилѣтней епитиміи, могущей быть сокращенной по усмотрѣнію („по суду“) епископа.

Кого св. Церковь считаетъ невольными убійцами?

По правилу 8 Св. Василія Великаго — невольный убійца тотъ.

1) Кто, „желая сбить камнемъ плодъ или защититься отъ звѣря, нечаянно поразить на смерть проходящаго случайно человѣка“.

2) Тотъ, кто „желая наказать для исправленія, ударить ремнемъ или жезломъ не тяжелымъ и неожиданно вызоветъ смерть“.

Убійство при. самозащитѣ, когда защищающійся неимѣя намѣренія убить, не осмотрительно (нещадно) нанесетъ ударъ въ опасное мѣсто и причинитъ смерть, хотя и причисляется къ „невольнымъ убійствамъ“, но съ оговоркой, что оно „уже приближается къ вольному убійству, ибо употребившій такое орудіе (палку) или нанесшій „нещадный ударъ“ обличается въ томъ, что не пощадилъ человѣка, будучи одержимъ страстью“.

Употребившій — даже при самозащитѣ — мечъ или какое либо другое оружіе — по утвержденію св. Василія Великаго — совершаетъ вольное убійство¹⁾.

1) „Кто употребитъ какое бы то ни было оружіе противъ непріятелей или разбойниковъ, того признаетъ вольнымъ убійцей“, пишетъ Вальсамонъ, вмѣстѣ съ Зонарой и Аристиномъ, признаваемый св. Церковью авторитетнѣйшимъ истолкователемъ канонівъ. Толкованіе Вальсамона (равно какъ Зонара и Аристина) приводятся въ каноническихъ сборникахъ вмѣстѣ съ текстомъ правилъ.

Убийство на войнѣ 8 правило того же отца совершенно определенно считаетъ вольнымъ убійствомъ²⁾.

По 56 правилу св. Василия Великаго совершившій вольное убійство и потомъ раскаяшійся, не допускается къ св. Причастью двадцать лѣтъ, невольный же убійца — 11 лѣтъ.

Убийство „ради общаго блага“ — церковью осуждается.

Правило Василия Великаго 55 „Противостоящіе разбойникамъ и поразившіе ихъ, если не клирики, да будутъ отлучаемы отъ причастья св. Таинъ, если же клирики — да будутъ низложены. Ибо сказано, что „всякій пріемшій мечъ мечемъ погибнетъ“.

Аристинъ въ толкованіи на это правило говоритъ „Поелику, по гласу Господа, всякій пріемшій мечъ мечемъ погибнетъ“, то и тѣ, кто выступаютъ противъ разбойниковъ и убиваютъ ихъ, должны быть подвергаемы епитиміи: миряне не причащаются св. Таинъ, а клирики извергаются“. Вальсамонъ, въ своемъ толкованіи, приводитъ случай, ясно говорящій о подлинномъ, церковномъ отношеніи ко всякому убійству во имя „общаго блага и пользы“.

Нѣсколько воиновъ, встрѣтившись съ разбойниками, истре-

²⁾ „Совершенно вольное, и въ семь никакому сомнѣнію не подлежащее есть то, что дѣлается разбойниками и въ непріятельскихъ нашествіяхъ... ибо „находящіеся на войнѣ идутъ на убійства (*επί φόβου*) не для того, чтобы устрашить или образумить, но съ явнымъ намѣреніемъ истребить непріятеля“ (Св. Василий Великій. Прав. 8^е „Правила св. отца съ толкованіями“ Москва 1884. г. стр. 184).

били ихъ. Затѣмъ, воины обратились къ Константинопольскому Патриарху Константину Хліарину съ вопросомъ, какъ должно быть поступлено съ ними согласно духу церковныхъ законовъ. Вопросъ обсуждался на состоявшемъ при патриархѣ соборѣ епископовъ (Синодъ). Во время преній одни изъ епископовъ, слѣдуя духу церковной правды, говорили, что тотъ, кто могъ избѣжать „злоумышленія разбойника“ и не сдѣлалъ этого, а убилъ его... долженъ понести наказаніе какъ убійца, указывая при этомъ на то, что если бы разбойникъ остался живъ, то, м. б., — по волѣ Божіей онъ, оставивъ разбойничество, обратился бы къ Господу“.

Другіе изъ епископовъ, исходя изъ соображеній общественнаго и государственнаго блага находили, что „если кто убилъ разбойника, не преслѣдуя его, не защищаясь отъ его преслѣдованія, но замысливъ убить и убивъ ради общей пользы, призванный къ тому другими, тотъ не долженъ быть наказанъ ни по законамъ ни по церковнымъ правиламъ. Таковой, говорили они, достоинъ даже награды, такъ какъ онъ спасъ отъ смерти души многихъ и сдѣлалъ обитаемымъ такое мѣсто, которое раньше покрыто было разбойническими засадами, какъ терніемъ и волчцами“. Соборъ призналъ церковнымъ мнѣніе первыхъ, а не вторыхъ

„Собору угодно было, по смыслу церковныхъ законовъ, чтобы какъ защищающіеся отъ разбойниковъ, такъ и тѣ, которые убиваютъ ихъ ради общей пользы, призываются къ тому дру-

гимн, подвергались та-кой же епитиміи, какой подвергаются совершившіе убійство на войнѣ.*) А того, кто убиваетъ разбойника, когда могъ бы избѣжать разбойническаго нападенія, подвергать болѣе строгой епитиміи. И это относительно мірянъ. Клирики, какимъ бы то ни были образомъ совершившіе убійство, извергаются, такъ какъ для нихъ въ данномъ случаѣ не полагается никакого различія между непріятелями, или разбойниками, или кѣмъ либо другимъ“. (Правила св. отецъ съ толкованіями“ Москва 1884 годъ стран. 323—25).

Убійство на войнѣ — грѣхъ.

Василій Великій правило 13 „Убійства на войнѣ наши Отцы не вмѣняли въ убійство, оказывая снисхожденіе, (συγγόμην δόντες) поборникамъ цѣломудрія и благочестія. Но скорѣе правильнѣе было бы (καλῶς = совершеннѣе, сообразнѣе съ подлинной правдой) совѣтовать таковымъ, какъ имѣющимъ нечистыя руки, въ теченіе трехъ лѣтъ удерживаться отъ причащенія“.

Правило св. Василія Великаго по соображеніямъ государственной, общественной пользы казалось толковникамъ слишкомъ страшнымъ даже разрушительнымъ. Они колеблются, пытаются признать его „совѣтомъ“ и, въ качествѣ такого, „не обязательнымъ“.

Однако Вальсамонъ —, послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній, повинуюсь велѣнію именно церковной традиции и церковнаго ученія,

*) Удаленіе отъ св. Причастія на 3 года (Вас. Вел. прав. 13).

признаетъ, что данное правило не можетъ быть отстранено или перетолковано.

„Поелику же, пишетъ онъ, въ толкованіи на 55 пр., нѣкоторые говорили, что 13 правило, какъ изложенное въ видѣ совѣта, не обязательно, и поэтому можетъ быть не соблюдено, то мы утверждаемъ, что пзъ настоящаго (55 правила) которое безъ ограниченной наказываетъ всѣхъ, кто, защищаясь, убиваетъ разбойниковъ, открывается, что и то правило обязательно“ Онъ же проводитъ и случай, того, какъ Церковь на дѣлѣ примѣняла это правило. „Императоръ Фока, сообщаетъ Вальсамонъ, потребовалъ чтобы убиваемые на войнѣ причислялись къ мученикамъ. Тогдашніе архіереи, воспользовавшись этимъ правиломъ, заставили царя отказаться отъ своего требованія говоря: „какимъ образомъ мы можемъ причислить къ святымъ павшихъ на войнѣ, которыхъ Василій Великій на трехлѣтіе устранилъ отъ таинствъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки“? (Правила Свв. Отецъ съ толкованіями стр. 324—325) Что же касается каноническаго посланія св. Аѳанасія Великаго, на которое Высокопреосвященнѣйшій Владыка Антоній ссылается, какъ на опредѣленно излагающее ученіе св. Церкви о „допустимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійства“, то это посланіе написано по вопросу, никакого отношенія къ вопросу о дозволительности или не дозволительности убійства не имѣющему¹⁾. Контекстъ посланія —

¹⁾ Въ посланіи къ монаху Аммуну идетъ рѣчь о грѣховности или негрѣховности нѣкоторыхъ фізіологическихъ актовъ.

убѣдительно говорить, что слова, приводимыя Владыкой Антоніемъ къ качествѣ „совершенно безспорнаго и яснаго ученія св. Церкви“ являются простой иллюстраціей — черезъ указаніе на житейскую практику — основной мысли посланія, о томъ, что нѣтъ ничего грѣховнаго въ произвольныхъ фізіологическихъ актахъ²⁾.

Въ заключеніе приведемъ авторитетное церковное пониманіе не буквы, а духа Ветхозавѣтнаго законодательства.

„Евангельское законоположеніе, пишетъ М. Властарь, нигдѣ не одобряетъ войнъ и не позволяетъ убійствами противодѣйствовать распространенію зла, какъ это было свойственно древнему законоположенію . . . Впрочемъ если тщательно разсмотрѣть и ветхозавѣтное законоположеніе, то найдешь, что и оно относительно сего мудрствуетъ согласно съ Евангеліемъ . . . Богъ, зная, что божественный Давидъ имѣлъ усердіе воздвигнуть ему храмъ, не допустилъ до сего потому,

что десница его было осквернена безчисленнымъ убійствомъ иноплемениковъ . . .“ „Моисей, продолжаетъ Матфей Властарь, одержавшимъ побѣду надъ противниками, повелѣлъ до седьмого дня пребывать внѣ стана (Чис. 31, 19), а великому жрецу Елеазару заповѣдалъ очищать ихъ (Числ. 31, 21—24), показавъ, что хотя убіеніе враговъ и законно, но убивающій человѣка, хотя бы онъ и справедливо отомщалъ и дѣлалъ это по принужденію, къ какой бы религіи онъ не принадлежалъ, почитается порочнымъ, ради высшаго и общаго родства (единство рода человѣческаго)“ (Синтагма М. Властаря буква „Ѵ“ глава 7^а).

Приведенныя каноническія постановленія достаточно ясны и опредѣленны. Ученіе св. Церкви ясно и безспорно, но оно значительно иное, чѣмъ полагаетъ Высокпреосвященнѣйшій Владыка Антоній.

И. Лаговскій.

Жизнь Движенія.

■(Хроника).

Парижъ. Жизнь содружества. Въ Парижѣ въ этомъ году Содружество собирается два раза въ мѣсяць. Послѣ молебна Божіей Матери бываетъ докладъ.

2) М. Властарь полагаетъ, что если бы св. Аѳанасій высказывался по существу вопроса, а не случайно (въ качествѣ простого поясняющаго примѣра), то онъ высказался бы такъ же, какъ и св. Василій Великій въ своемъ 13 правилѣ. (Синтагма стр. 389. Изд. 1892 г. Симферополь).

Общая тема докладовъ этого года слѣдующая: „Знакомство съ жизнью, дѣятельностью и сочиненіями замѣчательныхъ дѣятелей и подвижниковъ Русской Церкви 18 и 19 вв.“ До сихъ поръ было пять докладовъ: три доклада о. Сергія Четверикова „О Старцѣ Паисіи Величковскомъ и его ученикахъ“; докладъ о. Меодія объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ (въ связи съ 25-лѣтіемъ со

дня его кончины). На этомъ докладѣ присутствовалъ м. Евлогій, подѣлившійся своими воспомина- ниями о личныхъ встрѣчахъ съ о. Іоанномъ. Пятый докладъ — В. В. Зѣньковскаго „Русскіе юридиче- скіе 18 и 19 в.“ Темы докладовъ рас- предѣлены до конца мая.

Религіозно-Педагогиче- ской Кабинетъ. Дѣятельность Р.-П. Кабинета — въ связи съ переживаемыми матеріальными затрудненіями — находилась было подъ угрозой полного прекраще- нія. Въ настоящее время — эта угроза временно смягчена, но по- ложеніе остается серьезнымъ.

Въ качествѣ основной темы для теоретически-педагогической ра- боты — Р.-П. Кабинетъ взялъ „Основы христіанской антрополо- гии и проблемы педагогики“. На- мѣченъ рядъ докладовъ: 1) „Ан- тропологія книги Бытія“, 2) Ан- тропологія Ветхаго Заветъ, 3) Ос- новы христіанской антропологии, 4) Ученіе ап. Павла о человѣкѣ, 5) Ученіе о человѣкѣ восточныхъ отцовъ Церкви, 6) Ученіе о чело- вѣкѣ бл. Августина, 7) Обзоръ антропологій философскихъ. До сихъ поръ прочитаны слѣдующіе доклады. „Введеніе въ изученіе антропологии съ педагогической точки зрѣнія“ (В. В. Зѣньковскій) „Антропология книги Бытія“ (И. А. Лаговскій).

Р.-П. Кабинетъ приступилъ къ разработкѣ темъ для дискуссион- ныхъ собраний. Сейчасъ уже раз- работаны конспекты на темы — „Что значитъ жить въ Церкви“, „Церковь и ея сила“, „Мораль въ человѣкѣ и религіозная жизнь“, „Христіанинъ и гражданинъ“, „Евангеліе и современность“.

А. С. Четверикова разработала

краткій методическій очеркъ на тему „Ручной трудъ“.

Конспективную запись докла- довъ, конспекты дискуссій и ме- тодическій очеркъ можно выпи- сывать — за небольшую плату — отъ А. С. Четвериковой. Кромѣ того, Р.-П. Кабинетъ ведетъ пе- дагогическія собранія для всѣхъ руководителей работы Движенія въ Парижѣ съ молодежью. Въ собраніяхъ принимаютъ участие и руководители скаутовъ.

Вышла — отдѣльнымъ отти- скомъ — статья В. В. Зѣньковскаго „Русская педагогика XX вѣка“ (напечатана въ „Запискахъ Русск. Научн. Института въ Бѣлградѣ). Слѣдуетъ пожелать, чтобы всѣ движенцы, интересующія педаго- гическими вопросами, познакоми- лись съ этой интересной статьей. Стоимость — 4 франка.

С ѣ з д ѣ. На Рождествѣ (по новому стилю) состоялся съездъ Движенія въ Кнютанжѣ (заводскій центръ въ Эльзасѣ). Съездъ про- должался 4 дня и прошель съ большимъ подъемомъ.

Н. М. Зерновъ уѣхалъ на два мѣсяца въ Англию.

Рига. Въ концѣ декабря со- стоялся съездъ совѣта Движенія въ Латвіи. Однимъ изъ основ- ныхъ вопросовъ былъ вопросъ объ устройствѣ лѣтняго съезда.

Таллиннъ (Ревель). Въ на- чалѣ января былъ съездъ Совѣта Движенія въ Эстоніи. Принятъ рядъ предложеній, связанныхъ съ рѣшеніемъ начать планомѣрную религіозную работу среди дере- венской молодежи.

26-го января началась фин. кампанія. Кампанія проходитъ бодро и съ подъемомъ.

Тарту (Юрьевъ). Закончи-

лась фин. кампанія, прошедшая, несмотря на тяжелыя экономическія условія, успѣшно. Собранныя сумма оказалась выше смѣтныхъ предположеній. Въ недалекомъ будущемъ намѣчается открытіе двухъ новыхъ кружковъ.

Печеры. На съѣздѣ крестьянской молодежи, организованномъ „Союзомъ Крестьянской Молодежи“ — въ связи съ докладомъ члена Движенія К. Х. — „Просвѣщеніе и религія“ — единогласно была принята резолюція: „Съѣздъ крестьянской молодежи, признавая, что подлинная просвѣтительная работа связана съ пробужденіемъ и укрѣпленіемъ религіозной жизни, предлагаетъ культурно-просвѣтительнымъ работникамъ содѣйствовать рели-

гіозному пробужденію и просвѣщенію крестьянской молодежи“ (Резолюція приведена по памяти).

Послѣ общаго собранія Движенцевъ рѣшено приступить къ организаціи „Дѣвичьей Дружины“.

Прага. Прагу навѣстилъ Начальникъ Дружины „Витязей“ В. С. Слѣпянь. Былъ сборъ всѣхъ патрулей; въ день праздника св. Крещенія (стар. стиль) нѣсколько новыхъ „Витязей“ дали обѣщаніе, потому — была елка, вылившаяся въ выраженіе симпатіи Пражской молодежи къ „Витязямъ“. „Витязи“ поставили „Садко“. — Піеса прошла съ большимъ успѣхомъ.

Берлинъ. Хорошо прошелъ „отчетный вечеръ“ дружины скаутовъ Р. С. Х. Движенія.

Commission de Jeunesse.

2, rue de Montchoisy, Geneve.

Международный литературный конкурсъ для юношества.

Благодаря великодушному дару госпожи J. F. Van Loan (Babylon USA) христіанки, американки, сдѣлавшей въ память своего покойнаго мужа пожертвованіе, имѣющее назначеніе содѣйствовать усиленію духа сближенія и международной дружбы между юношествомъ, въ этомъ году организованъ международный литературный конкурсъ для юношества на тему „Христось и всемірное братство“

„Экуменическая комиссія по работѣ среди юношества“, (2 Rue de Montchoisy, Geneve. Suisse) связанная одновременно и съ „Экуменическимъ Комитетомъ дѣятельнаго христіанства“ и съ „Всемирнымъ союзомъ для развитія

международной дружбы черезъ посредство Церквей“ приняла на себя — по предложенію „Комитета всемірной дружбы между юношествомъ“ — проведеніе этого конкурса.

Условія конкурса.

I. Преміи. Назначены слѣдующія преміи:

1 премія . . .	300 дол. амер.
2 „ . . .	200 „ „
3 „ . . .	100 „ „
4 „ . . .	50 „ „
25 премій по . . .	10 „ „
41 „ по . . .	5 „ „

Почетныхъ медалей 100.

Всего — въ цѣломъ 170 премій.

Тема — „Христось и всемірное братство“.

Представленіе сочиненій. Представленныя рукописи на любомъ языкѣ должны содержать отъ 1000 до 2000 словъ и доставлены въ Секретаріатъ „Экуменической Комиссіи по работѣ среди юношества“ не позднѣе 30 апрѣля настоящаго года. Рукописи должны быть представлены подъ девизомъ и номеромъ, безъ указанія фамиліи автора. Фамилія и адресъ автора должны быть приложены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны имѣться номеръ и девизъ, подъ которыми прислана рукопись.

Возрастъ участниковъ конкурса. Въ конкурсѣ можетъ участвовать молодежь обоого пола, живущая въ Европѣ, родившаяся между 30 апрѣля 1914 года и 1 мая 1920 года.

Жюри. Рукописи пройдутъ черезъ двойное жюри. Первое произведетъ предварительный отборъ наилучшихъ произведеній, второе — установитъ списокъ награжденныхъ. Члены жюри будутъ выбраны „Экуменической комиссіей по работѣ среди юношества“ среди лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ и вѣроисповѣданіямъ.

Рѣшенія жюри имѣютъ окончательный характеръ и не подлежатъ обжалованію.

Второе жюри уполномочено, если сочтетъ это полезнымъ, видоизмѣнять цифру награды.

Награжденные. Имена удостоенныхъ награды 1) будутъ опубликованы на собраніи „Лиги націй“ въ сентябрѣ 1934 года, 2) будутъ сообщены всѣмъ участникамъ конкурса, даже и не получившимъ награды, 3) будутъ

опубликованы черезъ посредство экуменическаго отдѣла печати и информации во всемірной христіанской прессѣ. Награды будутъ высланы немедленно въ деньгахъ. Каждый изъ участниковъ можетъ — по желанію — получить или всю премію или часть ея въ формахъ, соотвѣтствующей стоимости, дающихъ право на пріобрѣтеніе книгъ на международныя темы, на участіе въ конференціяхъ или въ международныхъ лагеряхъ, на заграничное путешествіе.

Примѣчаніе. Zelah Van Loan († 1925) въ память котораго организованъ означенный конкурсъ, былъ служитель Божій, „добрый Самарянинъ“. Онъ всегда самоотверженно трудился для другихъ, независимо отъ ихъ расы, цвѣта кожи или вѣроисповѣданія. Самъ онъ принадлежалъ къ епископальной церкви, но его любвеобильная дѣятельность выходила далеко за предѣлы его церкви.

Доброта господина Van Loan, его постоянная озабоченность о другихъ, изысканная вѣжливость, сопровождаемая постояннымъ желаніемъ помочь другимъ всегда, когда это было возможно, сдѣлала то, что онъ былъ одной изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, о которыхъ можно сказать, что онѣ всѣми любимы.

Господинъ Van Loan, подобно своему Учителю, былъ миротворцемъ. Не достаточно только проповѣдывать миръ, надо прожить въ мирѣ.

Совершенно понятно, что пожертвованіе, имѣющее задачей пробудить стремленіе къ всемірному братству, было сдѣлано въ память служенія покойнаго Богу и человѣчеству.

„ВѢСТНИКЪ“

просить всѣхъ читателей, возобновляющихъ (или прекращающихъ) подписку уведомить объ этомъ и внести подписную плату возможно скорѣе на адресъ редакціи или конторы. Своевременный взносъ подписной платы — огромная помощь „Вѣстнику“.

Въ случаѣ невозможности выслать подписную плату за границу, „Вѣстникъ“ проситъ направлять деньги представителю журнала для данной страны.

Пробные № № по первому требованію высылаются бесплатно.

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также получение подписной платы на „Вѣстникъ“ производится :

АМЕРИКА : 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisko Calif.

АНГЛИЯ : V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ : Е. Наумовъ, СОФИЯ. Регентска 38.

БЕЛЬГИЯ : Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ : 1) A. Pawlowitsch, Tempelhofer Ufer, 18¹¹, BERLIN, S. W. 61.

2) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

3) W. Schwezoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

МАНЖУКО : 1) В. Коченева, Ажихейская ул. 60. кв. 4. HARBIN.

ЛАТВІЯ : 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21 a, dz. 8. RIGA.

2) M-ele P. Krukovsky, Krasta iela 21. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША : 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa.

2) „Dobro“, ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ : 1) A. Schavoronkova Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) M. Reiche, KELLOMÄKI.

ФРАНЦІЯ : 1) T. Bajmakoff 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

R. P. A. Eltchaninoff. Pavillon du Lotissement, av. du Parc Imperial Nice (A. M.).

ЧЕХОСЛОВАКІЯ : 1) S. Malloj Tynska 19. Praha I.

2) N. Lupandin Kucuricna c. 1. BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНИЯ : 1) N. Golubeva. Vaestekooli 15-5. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

2а) T. Lagovskaja, отдѣленіе конторы, Maarjamõisa 14, TARTU.

3) S. Nikitin. Linaketramise vabrik. Põlvtsovi maja. NARVA.

4) A. Petchnikova Smolenskaja 28, PETSERI.

РУМЫНІЯ : L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau.

ЛИТВА : E. Sokolsky, Italiios 56 KAUNAS.

ЮГОСЛАВІЯ : N. Ribinski, Kosovska, 51. BEOGRAD.

Редакторъ : **И. ЛАГОВСКІЙ.**

Vastutav toimetaja Eestis Tamara Lagovski, Tartus, Maarjamõisa tän. 14, 4.

Vastutav väljaandja Eestis ; Leo Schumakov, Tartus, Kevade tän. 5, 4.

K. Mattieseni trükikoda o/ü., Tartu 1934.